

НОВЫЕ КНИГИ

С. Ю. Барсукова

Не бойтесь судей. Они сами боятся

Рецензия на книгу:

Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Сатаров Г. А. 2010. *Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа*. СПб.: Норма. 480 с.

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна — доктор социологических наук, профессор факультета социологии ГУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: svbars@mail.ru

Если считать, что экономическая социология уместается в книги про экономику, написанные социологами, то прошу меня экономсоциологом не считать. Если книга про судебную систему зачисляется в другое ведомство, скажем, в социологию права, то мне тесно в таких рамках. Потому что классические сюжеты экономической социологии — как люди хозяйствуют в разных форматах и условиях — повисают в воздухе без представлений о том, каковы их шансы отстаивать права на ресурсы и результаты хозяйствования в любой конфликтной ситуации. Отстоять «понятиям» или в суде. Где тоже свои понятия.

Объективная похвала и субъективная критика

Ничто не предвещало сложностей. Зная, что ИНДЕМ закончил крупный проект по судебной власти и издал соответствующую книгу, готовила себя к быстрой и легкой рецензии. Мои искренние симпатии к Фонду и Г. А. Сатарову небеспочвенны — редко кто так явно и даже рьяно выражает общественную позицию, не теряя уважения академического сообщества, которое морщится при слове «политика». Бренд ИНДЕМа является своего рода эталоном качества и честности. Ожидалось чтение захлёб и писание внахлёст, когда строчки обгоняют друг друга.

Не вышло. Ну, то есть совсем. Читалось довольно натужно. Я честно прошла этот путь до конца, прочитав книгу «от корки до корки». И это не от повышенной добросовестности. Уместно сравнение с просмотром кино со звёздным составом — ожидания таковы, что происходящее на экране воспринимаешь как прелюдию: ну, сейчас разойдутся, и начнётся настоящее кино. Время идёт, и шедевр уже близок, но так некстати включили свет...

Вместе с тем я понимаю, что вышла книга, без ссылок на которую писать про судебную власть в России становится неприлично. Очень добросовестно, очень обоснованно, очень профессионально. Никто прежде не препарировал российскую судебную власть с такой тщательностью. Два года труда (2007–2009) слаженной команды, разнообразие эмпирики (опрос экспертов, репрезентативные опросы предпринимателей и просто граждан), изобретательные способы обработки данных, обзор законода-

тельства с 1991 г., описание судебной системы в разных странах транзита — вот база этой книги. Союз юристов и социологов впервые был таким продуктивным. По многим вопросам книгу можно использовать как справочник, как путеводитель по коридорам судебной системы. На эмпирику, здесь представленную, будут опираться дружные ряды исследователей, которым такой масштаб проекта и не снится. В истории ИНДЕМа это тоже, знаете ли, не рядовой случай. Такое доверие спонсоров надо было заслужить, с чем я искренне поздравляю коллег.

Мой интерес к судебной сфере на этом фоне — как чих под рёв цунами. Скромный грант, команда из трех мамаш, на которых в сумме приходится семеро детей¹. Два декрета за время проекта. «Дас ист фантастиш», как говорится. И всё же что-то мы сделали. По крайней мере я читала рецензируемую книгу не просто с особым интересом, но и, как мне кажется, с особым пониманием, иллюстрируя для себя многие сюжеты (новеллы, как любят выражаться авторы) нашими эмпирическими и аналитическими фрагментами. Читала, если хотите, проверяя себя, — как с камертоном сверялась. Быстро и радостно поняла — мы совпадаем. Мелкие возражения не в счёт, они отчасти от скупости текста. А в целом наши интервью обозначили те же проблемные срезы, те же странности системы, оборачивающиеся закономерностями. Словом, испытывала радость фельдшера, диагноз которого подтверждается в напичканной оборудованной лабораторией.

Достоинства книги — вопрос не вкуса, но факта. Это я отлично понимаю. Но что же не дало получить удовольствие от чтения? Сейчас разговор о вкусе, а он, как известно, в товарищах не нуждается и на объективность не претендует.

Кому-то стиль текста — дело десятое, а меня разномастная стилистика глав, мягко говоря, нервировала. То, что главы писали разные люди — это понятно и оправданно для таких широких проектов. Но нельзя так грубо и механически складывать тексты. Получился сборник статей, написанных в единых методологических рамках. От вольного и довольно своеобразного текста первой главы вас кидает в формат милицейского протокола и обратно, минуя стиль стандартного отчета. Эмпирические главы тоже довольно причудливо различаются представлением о методическом уровне анализа. Анкету экспертов обрабатывали изобретательно. Могу сказать, что нигде прежде я таких «оцифрованных ответов» не встречала. То есть если вы не разобрались, какие манипуляции проводились с первичными данными, то будете смотреть на анализируемые таблицы, как папуасы на знаки дорожного движения. Вообще героями здесь были все: эксперты до заполнения анкеты должны были прочитать четыре страницы предваряющих замечаний и объяснений. Велик соблазн отдать на заполнение секретарше, ох, как велик... И ни одного частотного распределения, которые ввиду примитивности в книге не приводятся; их можно посмотреть в Интернете как первичную аналитику по проекту. Зато главы, посвящённые опросам предпринимателей и граждан, практически полностью построены на описании частотных распределений. Текст фактически избыточен, настолько он сливается с данными таблиц. Переходить от оцифрованных ответов с построением новых аналитических величин к варианту «посмотрим на ответы на такой-то вопрос» вроде бы неловко, — это как градус понижать.

И явно что-то со структурой. Треть книги приходится на одну из семи глав, где в хронологическом порядке описываются касающиеся судебной власти законы и подзаконные акты. Очень интересно. Но не всем. Потому что написано юристами с завышенными требованиями к юридической грамотности читателей. Вы знаете, чем апелляция отличается от кассации? И не узнаете. Потому что предполагается, что вам это известно на старте.

А между тем далеко не все знают, что на 3–4 субъекта РФ, имеющих свои арбитражные суды, приходится один апелляционный суд, а на 10–15 субъектов — одна кассационная инстанция. История

¹ Грант РФФИ, 2008–2010, «Судебная система в России: единство формального и неформального порядка» (№ 08-06-00460) (участники проекта — С. Барсукова, Н. Колесник, Н. Шушанян).

становления этих инстанций в арбитражном судопроизводстве — материал для увлекательного рассказа о симбиозе формального и неформального начала в судействе. Ведь изначально апелляционная инстанция формировалась «в теле» судов первой инстанции. Разве что, если позволяли условия, разъезжались по разным этажам. Вчерашние коллеги по-прежнему работали бок о бок, но при этом поделились на проверяющих и проверяемых. Согласно формальному праву они представляли независимые судебные инстанции. Но между ними сохранялось прочное натяжение рабочих и человеческих контактов, а пространственная близость не оставляла надежд на их ослабление. Недостаток независимости проверочной процедуры побудил достроить систему еще одним этажом — ввести кассационную инстанцию в виде 10 федеральных арбитражных окружных судов (1995 г.). И только в 2002 г., после десятилетия «совместного проживания», произошло территориальное обособление апелляционной инстанции в виде формирования 20 арбитражных апелляционных судов. Можно посочувствовать рядовому предпринимателю (скажем, из Бердска), который должен судиться сначала в Новосибирске (суд первой инстанции), потом в Томске (апелляция), затем в Тюмени (кассация). Если судебных заседаний несколько, а предприниматель — не олигарх, то он сильно задумается о пользе арбитража.

Это я, так сказать, раскодировала только пару дат и фрагментов, зашифрованных в хронике создания формально-правовой рамки судебной власти. Настоящая драматургия в формате протокола. Понятно, что если так работать с каждым элементом, то выйдет не глава, а отдельная книга. Поэтому всё оставлено на уровне краткого описания, инвентаризации официальных решений. Тогда, может, хронологию подвинуть куда? Тем более что в следующей главе, по сути, тот же материал представлен не в хронологическом, а в проблемном разрезе.

Кстати, вспоминается недавняя книга Я. Паппэ и Я. Галухиной². Там тоже есть огромный хронологический фрагмент о формировании интегрированных бизнес-групп — кто, когда, кого присоединил или отринул. Но это вынесено в приложение, занимающее полкниги. Отчего логический строй книги не загромождается справочным материалом. На мой взгляд, хороший пример.

И ещё. Мелочь, но она раздражает — то ли корректора и редактора не было, то ли они схалтурили. Нечитабельные цифры в рисунках, опечатки. Или взять формулировку одной из трёх гипотез: «Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле)...». В «большой фракции» — дела рутинные, до которых сильным мира сего дела нет, и там всё по закону. А «меньшая фракция» — наоборот, с внешним интересом и с дефектами правосудия. Смысл понятен. Непонятно, почему «фракции»? «Поделено на части» — слишком банально? И уж простите за вездливость, но когда шесть раз дословно поторяется воспроизведение гипотезы про «фракции», то теряешь остатки терпимости к самобытности выражения мысли авторов и не можешь удержаться, чтобы не заметить — образование фракций является процессом физическим, а не химическим.

Но это всё разговор о форме. Что касается содержания, то после прочтения книги судьям можно посочувствовать. Потому что российская судебная система пронизана страхами.

Страх оправдания

В судах, предполагающих присутствие прокурора, оправдательные решения практически не выносятся. Куда вероятнее оправдание в делах частного обвинения, обходящегося без фигуры гособвинителя. Но таких дел всего 10%. Так что если вы попали в 90% судебной практики, то шансы на оправдание для вас составляют 0,2%.

² Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С. 2009. *Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг.* М.: ИД ГУ ВШЭ.

Это статистика. Но что стоит за этими цифрами? Может быть, безукоризненная доказательность прокурорской позиции, разносящая в щепки адвокатские усилия? Дело обстоит с точностью до наоборот. Оправдательные приговоры судей — свидетельство брака (обвинение, рассыпавшееся в суде) в работе следствия и прокуратуры, что создает повод для конфликта с ними. А оно судьям надо? Да и верховную власть зачем дразнить? Публичные свидетельства халтуры в работе правоохранительной системы не на пользу общественному согласию. Это понимать надо. Суды, конечно, провозглашаются независимой ветвью власти, но ветви на то и ветви, что имеют общий корень. Вот и прогрессируют суды в лояльности к изъянам в доказательной базе обвинительной стороны, становясь, по сути, элементом системы правоохранительных органов, звеном в их цепи.

При этом судьи ничем не рискуют, зная, что суды более высокой инстанции поддержат их решения. Отменённые решения, как правило, используются как бич для неугодных судей. И бич тем более страшный, что потенциально может обрушиться на любого судью. Несмотря на то что качество приговоров в целом выше качества расследования, пробелы следствия полностью скрыть не удастся. Это делает любой приговор пригодным к обжалованию. А отменённые или изменённые приговоры — «чёрная метка» в карьере судьи. Естественно их желание минимизировать риск отменённых решений и встать на сторону обвинительной стороны.

Почему же судьи, вставшие на сторону прокурора, уверены в лояльности вышестоящих судов? Адвокатская работа во всех инстанциях (кассация, три уровня надзора) требует массу сил, времени и денег (командировки, гонорар адвоката и пр.), и с большой вероятностью подзащитный в какой-то момент исчерпает ресурсы и защита ослабеет. Если же приговором будет не удовлетворен прокурор, то его обжалование опасно для судьи: машина прокуратуры не сбавит обороты и доведёт дело до конца, ибо использует средства налогоплательщиков.

Но прагматической логикой дело не ограничивается. Имеет место и психологический фактор. Речь идёт о частых деловых контактах судей с представителями следственных органов и прокуратуры. Эти профессиональные контакты ввиду стабильности и длительности со временем неизбежно дополняются человеческими отношениями. К тому же и судьи, и прокуроры, и следователи — люди служивые, находящиеся на службе государевой. Тогда как адвокаты — люди вольные, представители частного бизнеса.

Оправдательная практика в судах общей юрисдикции в России практически исчезла и существует лишь в «компромиссной» форме — в виде назначения подсудимому при недостаточности улик срока лишения свободы, равного уже отбытому им в следственном изоляторе. А как же взятки? Судья по опросам ИНДЕМа, только 10,5% предпринимателей считают взяточничество в судах единичным случаем, а 30,2% уверены, что с помощью взяток в судах всегда можно достичь желаемого результата. И более 70% и граждан, и предпринимателей полагают, что в судах к богатым и влиятельным относятся лучше. Лучше, но до известного предела. Страх оправдания заставляет творчески подходить к решению вопроса. Взятки берут за переквалификацию дела на более мягкое, за снижение срока, за отмену каких-то эпизодов. Но оправдательные приговоры — это демарш против системы, это процессуальное самоубийство судьи.

Невозможность купить оправдательный приговор компенсируется возможностью коррупционного торга по поводу его фактического эквивалента — приостановки дела, недоведения дела до суда, что может сопровождаться имитацией слабости доказательной базы путём изъятия тяжких улик, фальсификации протоколов и пр. Нередки случаи, когда дела возбуждаются именно в ожидании того, что предложат деньги за их прекращение.

Что касается размера взяток, то прайс-лист чрезвычайно детализирован, — всё зависит от того, о каких статьях закона идёт речь и кто берётся решить этот вопрос. Устойчивые и универсальные коррупционные расценки формируются только в условиях однотипных и массовых ситуаций. Например, в арбитражных судах банки массово оспаривают решения налоговых органов о списании со счетов средств в безакцептном порядке. Скорость в этом деле решает многое. Тариф на быстрое вынесение судьёй определения о приостановлении исполнения решения налогового органа (до разбирательства жалобы по существу) составляет 10% от «цены вопроса». Заметим, взятка в данном случае даётся за совершение вполне законного действия, но без волокиты.

Коррупционный рынок прекращения дел на стадии следствия порождает другой феномен — фиктивные дела, то есть инсценировки преступлений, расследованных и переданных в суд. Связь между этими практиками прямая: чтобы снизить долю не доведённых до суда дел, нужно увеличить общее количество расследований. Фиктивные дела, доведённые до суда, делают статистику более презентабельной, поскольку придают прекращённым делам характер единичных эпизодов. В качестве человеческого материала используются самые бесправные и маргинальные слои общества — мигранты, бомжи.

Такова механика статистики, свидетельствующей о «неотвратимости наказания». Как говорится, не судитесь, да не судимы будете.

Страх непослушания

В последнее время много пишут о коррупции в судебной системе. Настораживает смелость журналистов. Стало быть, дали негласное разрешение на разработку этой темы. Коррупция как яркий и однозначно осуждаемый феномен выполняет роль «дымовой завесы», призванной отвлечь внимание от другого, более весомого фактора несправедливости. Речь идет о страхе ослушаться власть исполнительную.

Единодушно признаваемый экспертами рост зависимости судей имеет множество причин. Однако основным моментом, влекущим за собой всё остальное, следует признать появление субъекта, предъявляющего претензию на моноцентрический характер власти. Победив распад властных функций, свойственных 1990-м годам, исполнительная власть постепенно стала проявлять желание и демонстрировать возможность контролировать власть законодательную и судебную. В условиях отсутствия институтов, обеспечивающих разделение властей, эта тенденция не встретила отпора и стала устойчивым направлением развития страны. Частный случай зависимости судей — процедура согласования назначения федеральных судей в администрации президента (в советское время проверку проводила квалификационная коллегия судей, то есть работала внутрикорпоративная селекция). Но этим дело не ограничивается.

Механизм зависимости судей включают массу технических «крючков»: усилившееся влияние председателей судов на карьеру и вознаграждение судей, процедура их аттестации, утверждения в статусе пожизненного судейства и проч. Важнейший показатель качества работы судей — число отменённых решений. Эта статистика играет решающую роль в назначении судей и продлении их полномочий. Вероятность отменённых решений, в свою очередь, зависит от сложности рассматриваемых дел. Так формируется зависимость судей от председателей судов, распределяющих дела между судьями. По сути влияние исполнительной власти на судей опосредовано зависимостью от председателя суда, выполняющего роль передаточного ремня в этой прочно связанной конструкции.

Управляемость судей повышается при наличии компромата. Естественными получателями компрометирующей информации являются те же председатели судов, органы прокуратуры, администрация

президента — именно туда стекаются жалобы, разного рода «сигналы». Эта информация проверяется и используется в нужный момент как средство давления на судей.

Частным проявлением неразделённости властей является то, что всё чаще ключевые фигуры судебной системы позволяют себе политические высказывания, тем самым подтверждая готовность трактовать букву закона в зависимости от политической целесообразности. Эта тенденция обычно сводится к интенции соблюдать «не букву, но дух» закона.

Ну как тут не вспомнить «дело “ЮКОСа”»? Обвинение в неуплате налогов строилось на признании ряда фирм аффилированными с «ЮКОСом». Но формальных признаков аффилированности нет и быть не могло, за этим следили не самые плохие юристы. Судебное решение приняло во внимание *содержание* деятельности, а не её оформление. Что, кстати, и определило одобрение решения широкими народными массами. Мы не будем сейчас вдаваться в дискуссию о том, почему это случилось именно с М. Ходорковским. Подозреваю, что знают правду только ключевые фигуры, остальные делают вид. Но что несомненно, эта ситуация стала возможна только по мере построения «вертикали власти», по сути означающей иерархию властных ветвей. Прежде главным интеллектуальным удовольствием многих крупных бизнесменов был поиск «дырок в законах», демонстрация правительству его ошибок. «Дырки» вынужденно латали, злились, но поделаться ничего не могли, потому что арбитраж был на страже закона, хоть и дырявого. Показателен случай с компанией «ЛУКОЙЛ», которой в 2002 г. удалось отразить в арбитражном суде претензию налоговиков очень схожего содержания. Но доказав соответствие закону, руководство «ЛУКОЙЛа» признало свои действия несоответствующими духу закона в его современном понимании, и все недоимки (юридически не доказанные) были перечислены государству в качестве дара. Однако правила игры изменились: суд не держится за закон, если он, по мнению исполнительной власти, плох. Он за правду, за справедливость. А чем красивее лозунг, тем грязнее практика.

Но сколько бы мы не говорили об объективных механизмах усиления зависимости судей от органов исполнительной власти, за кадром остаётся менее формализуемая, но более существенная примета времени. Важная новация последних лет состоит в том, что набирает силу *самоцензура* судей. Цензура в сравнении с самоцензурой имеет ряд преимуществ. Цензура воплощает внешнюю волю, которая воспринимается как давление и принуждение, что может вести к сопротивлению. Самоцензура является добровольным выбором индивида в предлагаемых обстоятельствах. В этом случае судья волен поступать так, как считает нужным. Но он сам выбирает те решения, которые не ведут его к конфликтам с системой. Самоцензура судей, сформированная в последние несколько лет, сводится к презумпции правоты «человека в погонах».

Недооценённая проблема состоит в отсутствии корпоративной идентичности российских судей. Они не смогли противостоять давлению исполнительной власти, с одной стороны, и соблазну коррупционных сборов — с другой, в силу восприятия этих вызовов как индивидуальных. То есть человек слаб, что и было доказано применительно к судьям. Источником силы судей могли бы стать корпоративная мораль и представление о том, что они принадлежат к единой корпорации, способной выдержать стандарт поведения при любом давлении извне. Однако жизнь демонстрировала отнюдь не то, как система защищает отдельных судей, давших отпор внешнему давлению, а обратное — полное одиночество в борьбе за свои права тех судей, которые решились принимать независимые решения.

* * *

То обстоятельство, что суды, кажущиеся воплощением формального права, активно заимствуют неформальные логики действия, представляется парадоксальным только на первый взгляд. Чем жёстче формальное право и обширнее область его притязаний, тем в большей степени его жизнеспособ-

ность зависит от неформальных практик, устраняющих противоречие между однообразием нормы и многообразием реального мира. Суд — это место не применения, а толкования закона. Вопросы возникают лишь по поводу логики толкования. Точнее — факторов, их обуславливающих. Зависимость от исполнительной власти, презумпция правоты «человека в погонах», фактическое превращение судов в звено правоохранительной системы становятся доминантами такого толкования. В этом смысле суды несут на себе печать современного российского общества.

Важная мысль книги — состояние судебной власти, в том числе её неформальных аспектов, много важнее, чем состояние законодательства, а в целом поле права существеннее для успешной модернизации, чем политическая конкуренция и качество исполнительной власти. То есть именно суды должны стать средством, используя которое, можно, подобно барону Мюнхгаузену, вытащить себя из болота. Болото есть, средство тоже есть. Осталось найти барона.